

И.О. Родин, Т.М. Пименова

Споры вокруг романа, проблема авторства

Споры вокруг романа начались едва ли не с момента его появления в печати. Одним из поводов к ним послужило то, что роман был написан очень молодым человеком (Шолохову на момент выхода первых глав романа было всего 23 года), хотя роман говорит о том, что его автор — человек, безусловно, зрелый и обладающий немалым жизненным опытом.

В 1974 году в издательстве YMCA-PRESS вышла книга, автор которой скрывался под псевдонимом D*. Анонимность автора объяснялась тем, что, живя в Советском союзе, он не может из-за грозящих ему репрессий открыть свое имя. Называлась книга «Стремя “Тихого Дона”», а предисловие к ней написал А. Солженицын. В книге подробным образом анализировался роман и поэтапно доказывалось, что Шолохов не является подлинным автором романа. В книге он назывался «соавтором», и ему приписывалась «редактура» изначального текста, вероятно, случайным образом к нему попавшего. Редактура в основном сводилась к «идеологической» правке содержания романа, который был задуман и написан с позиций участника белого движения на Дону. Аргументы эти можно свести к следующим:

1. Явное несоответствие возраста Шолохова и того зрелого мировоззрения, которое положено в основу романа (на момент начала публикации романа Шолохову было 23 года, но ведь роман еще надо было написать, предварительно собрав необходимый фактический, этнографический и т. п. материал!);

2. Разительный контраст (в первую очередь по философской глубине и глубине проникновения в материал) «Тихого Дона» и остальных произведений Шолохова («Донских рассказов», «Поднятой целины»), которые ничем подобным не отличаются;

3. Явные фактические свидетельства того, что роман мог написать только тот, кто был непосредственным участником описываемых событий на Дону в 1911–1919 (из иных источников эта информация не была доступна), Шолохов же в них не участвовал (краткое участие в продотряде во внимание можно не принимать);

4. Отсутствие каких бы то ни было документальных подтверждений работы Шолохова над романом. Существует лишь несколько неполных машинописных рукописей со следами правки на них (в частности, одна из них была «обнаружена» в 2000 году и широко разрекламирована как прямое свидетельство авторства Шолохова), что доказывает лишь то, что начальный текст правился «соавтором», о чем D* и пишет в своей книге. Работа же над романом подобного масштаба предполагает привлечение гигантских объемов информации, что неизбежно должно было привести к наличию большого количества дневников, записных книжек и т. п.;

5. Наличие двух, совершенно различных, но сосуществующих в романе авторских начал (в соответствии с анализом содержания и стилистики произведения).

Доказательству последнего пункта посвящено основное содержание «Стремени “Тихого Дона”». В частности, указывается на идейно-философскую противоположность взглядов автора и «соавтора». Для автора характерно наличие «высокого гуманизма и народолюбия», которыми отличались русская интеллигенция и русская литература 1890–1910 годов. Сочинения же «соавтора» разительно отличаются от написанного автором-создателем. D* пишет:

«Для сочиненного “соавтором” прежде всего характерна полная независимость от авторского поэтического замысла-образа... Здесь нет поэтики, а есть лишь откровенная, голая политическая формула, из которой исходит «соавтор» в своих сюжетах и характеристиках. Эта формула (великие идеи коммунизма в России должны уничтожить косный сепаратизм) — прямо

противоположна мыслям автора-создателя. В той мере, в какой автор является художником, — «соавтор» — публицистом-агитатором. «Соавтор» не изображает события, а излагает их, не живописует движение мыслей и чувств героев, а оголенно аргументирует. Язык «соавтора», даже безотносительно к своеобразию лексики и фразеологии автора, — отличается бедностью и даже беспомощностью, отсутствием профессиональных беглости и грамотности. Характерно, что в своей попытке стилизоваться под автора «соавтор» особенно выдает себя. Он не владеет диалектом, а тем самым персонажи его говорят на каком-то вымученном языке, в состав которого входят и диалектные речения, характерные для быта и газетной литературы 1920–1930 гг.»

Пытаясь восстановить изначальный авторский текст, D* приходит к выводу, что первая и вторая книги романа представляют собой наименее подвергшиеся «соавторской правке» массивы. Однако здесь есть некоторые изъятия (несколько глав), «о чем можно судить по некоторым лакунам в ходе повествования, в целом отличающегося медленным и глубоко взятым разворотом эпическим. Наряду с лакунами в тексте повествования имеются и вставные главы, сюжеты, персонажи и стиль которых резко выделяются на фоне основных глав, как текст инородный, автору не принадлежащий». Далее D* замечает:

«...Ряд основных, наиболее впечатляющих и художественно полноценных глав и фрагментов третьей и четвертой книг романа также принадлежат автору-создателю, из чего следует, что историческая хроника событий охватывает время 1911 — начало 1920-х гг. Однако метод обработки этих глав, монтаж третьей и четвертой книг, сделанный «соавтором», свидетельствует о том, что в руках его были лишь отдельные куски, наброски и материалы из принадлежащего замыслу, который полностью осуществлен не был. О том, что связующие звенья и вся финальная часть романа написаны «соавтором», говорит резкий разрыв между главами, катастрофическая непоследовательность написанного “соавтором” в отношении к основному поэтическому замыслу-образу. Непоследовательность эта исказила художественный замысел всей эпопеи».

Деятельность «соавтора», таким образом, состояла: а) в редактировании (идейном) авторского текста, с изъятиями глав, страниц, отдельных строк, не соответствующих идейной установке «соавтора»; б) во вклинивании в текст ряда глав собственного («соавторского») сочинения, составившего в романе особую идеологическую зону; в) в компиляции глав и фрагментов авторского текста путем скрепления их текстом соавторского сочинения; г) в использовании в соавторском тексте материалов автора (исторических документов и сводок событий, а также различных записей-заготовок).

Анализируя исторические события того времени, D* выдвигает предположение о том, кто мог являться истинным автором произведения, составившего основу «Тихого Дона», и чьи материалы могли попасть (после его смерти) к Шолохову. В качестве такого кандидата D* называет Ф.Д. Крюкова, известного литератора той поры, «певца казачьего быта» (которого ценили М. Горький и В. Короленко), воевавшего на стороне белых и умершего от тифа на одном из кубанских хуторов (в том районе, где проходил позже продотряд, в котором числился Шолохов). По многочисленным свидетельствам, Крюков (родился в 1870 году в станице Глазуновской), почти прекративший печататься после 1913 года (до этого он много писал для «Русского богатства», был избран в I Государственную думу, вел большую общественную работу), был полностью поглощен большим и значительным замыслом, который считал основным делом своей жизни. В советские годы на имени Крюкова по идеологическим причинам лежал запрет, и исследования его творчества фактически начались лишь в 1980-е годы.

Книга D* породила еще большее количество споров об авторстве Шолохова, а также новые исследования в этой области.

В частности, американскими исследователями была предпринята попытка сравнительного компьютерного анализа текста «Тихого Дона» и других произведений Шолохова, однако никакого однозначного ответа на вопрос она не дала. Разница в стилистике и словоупотреблении имеется, но она, по разным данным, не превышает 10–15%, что

вполне может быть объяснено и тем, что «соавтор» проводил соответствующую правку по отношению к авторскому тексту.